

Говард Филлипс Лавкрафт

Собака

(The Hound)

I

Они все не стихают, эти невыносимые звуки: хлопанье невидимых гигантских крыльев и отдаленный, едва слышный лай какого-то огромного пса, — и продолжают мучить меня. Это не сон, боюсь, даже не бред — слишком много всего произошло, чтобы у меня еще сохранились спасительные сомнения. Все, что осталось от Сент-Джона, — это обезображенный труп; лишь я один знаю, что с ним случилось, и знание это таково, что легче бы мне было самому раскроить себе череп, чем с ужасом дожидаться, когда и меня постигнет та же участь. Бесконечными мрачными лабиринтами таинственных видений подбирается ко мне невыразимо страшное Возмездие и приказывает безмолвно: «Убей себя!»

Простят ли небеса те безрассудства и нездоровые пристрастия, что привели нас к столь чудовищному концу?! Утомленные обыденностью повседневной жизни, способной обесценить даже самые романтические и изысканные радости, мы с Сент-Джоном, не раздумывая, отдавались любому новому эстетическому или интеллектуальному веянию, если только оно сулило хоть какое-нибудь убежище от невыносимой скуки. В свое время мы отдали восторженную дань и сокровенным тайнам символизма, и экстатическим озарениям прерафаэлитов, и еще многому другому; но все эти увлечения слишком быстро теряли в наших глазах очарование и привлекательность новизны.

Мрачная философия декадентства была последним средством, которое еще могло подстегивать воображение, но и это удавалось лишь благодаря непрестанному углублению наших познаний в области демонологии. Бодлер и Гюисманс скоро потеряли свою первоначальную привлекательность, и нам приходилось прибегать к более сильным стимулам, какие мог доставить только опыт непосредственного общения со сверхъестественным. Эта зловещая потребность во все новых и новых возбудителях и привела нас в конце концов к тому отвратительному увлечению, о котором и теперь, несмотря на весь ужас моего настоящего положения, я не могу вспоминать иначе, как с непередаваемым стыдом и страхом; к пристрастию, которое не назовешь иначе, как самым гнусным проявлением человеческой разнузданности; к мерзкому занятию, имя которому — грабеж могил.

Нет сил описывать подробности наших ужасных раскопок или перечислить, хотя бы отчасти, самые жуткие из находок, украсивших кошмарную коллекцию, которую мы втайне собирали в огромном каменном доме, где жили вдвоем, отказавшись от помощи слуг. Наш домашний музей представлял собою место поистине богомерзкое: с каким-то дьявольским вкусом и неврастенической извращенностью создавали мы там целую вселенную страха и тления, чтобы распалить свои угасавшие чувства. Находился он в потайном подвале глубоко под землей; огромные крылатые демоны из базальта и

оникса, оскалившись, изрыгали там неестественный зеленый и оранжевый свет, потоки воздуха из спрятанных в стенах труб заставляли прыгать в дикой пляске смерти полосы алой погребальной материи, вплетенные в тяжелые черные занавеси. Особое устройство позволяло наполнять разнообразными запахами воздух, поступавший через трубы в стенах; потворствуя самым диким своим желанием, мы выбирали иногда аромат увядших лилий с надгробий, иногда — дурманящие восточные благовония, словно доносящиеся из неведомых капищ царственных мертвецов, а порой — я содрогаюсь, вспоминая теперь об этом, — тошнотворный смрад разверстой могилы.

Вдоль стен ужасной комнаты были расставлены многочисленные ящики; в одних лежали древние мумии, в других — совсем недавние образцы чудесного искусства таксидермистов; тут же имелись и надгробия, собранные со старейших кладбищ всего мира. В нишах хранились черепа самых невероятных форм и человеческие головы в различных стадиях разложения: полусгнившие лысины великих государственных мужей и необычайно свежие детские головки, обрамленные нежным золотом мягких кудрей. Тут было множество картин и скульптур, неизменно на загробные темы, в том числе и наши с Сент-Джоном живописные опыты. В специальной папке из тонко выделанной человеческой кожи, всегда запертой, мы держали несколько рисунков на такие сюжеты, о которых я и сейчас не смею говорить; автор работ неизвестен — предполагают, что они принадлежат кисти самого Гойи, но великий художник никогда не решался признать это публично. Здесь же хранились наши музыкальные инструменты, как струнные, так и духовые: нам доставляло удовольствие упражняться в диссонансах, поистине дьявольских в своей изысканности и противоестественности. В многочисленные инкрустированные шкатулки мы складывали главную свою добычу — самые невероятные, невообразимые предметы, какие только можно похитить из склепов или могил, вооружившись для этого всем безумием и извращенностью, на которые только способен человеческий разум. Но об этом я менее всего смею распространяться — слава богу, у меня хватило духу уничтожить наши страшные трофеи задолго до того, как меня впервые посетила мысль о самоубийстве.

Тайные вылазки, доставлявшие нам все эти ужасные сокровища, всякий раз становились для нас своего рода эстетическим событием. Ни в коем случае не уподоблялись мы вульгарным кладбищенским ворами, но действовали только там и тогда, где и когда имелось для того сочетание вполне определенных внешних и внутренних условий, включая характер местности, погодные условия, время года, даже определенную фазу луны и, конечно, наше собственное состояние. Для нас занятие это всегда было формой артистического самовыражения, ибо к каждой детали раскопок мы относились с требовательностью истинных художников. Неправильно выбранное время очередной экспедиции, слишком яркий свет, неловкое движение при разрытии влажной почвы — все это могло полностью лишить нас того острого удовольствия, что мы получали, извлекая из земли какую-нибудь очередную ее зловеще оскаленную тайну. Поиск новых мест для раскопок и все более острых ощущений становился лихорадочным и безостановочным — причем инициатива всегда принадлежала Сент-Джону. Именно он в конце концов отыскал то проклятое место, где нас начал преследовать страшный неотвратимый рок.

Какая злая судьба завела нас на то ужасное голландское кладбище? Думаю, виной всему были смутные слухи и предания о человеке, захороненном там пять столетий назад: в свое время он тоже грабил могилы и якобы нашел в одном из склепов некий предмет, обладавший сверхъестественными свойствами. Я отчетливо помню ту ночь на кладбище: бледная осенняя луна над могильными крестами, огромные страшные тени, причудливые силуэты деревьев, мрачно склонившихся над густой высокой травой и потрескавшимися надгробными плитами, тучи необычно крупных летучих мышей на фоне блеклой луны, поросшие плющом стены древней часовни, ее шпиль, безмолвно указующий на темно-серые небеса, какие-то светящиеся жучки, скачущие в извечной пляске смерти среди зарослей тиса у ограды, запах плесени, гнилости, влажной травы и еще чего-то неопределенного в смеси с ветром, налетающим с дальних болот и моря; но наиболее тягостное впечатление произвел на нас обоих едва слышный в отдалении, но, должно быть, необычайно громкий лай какого-то, по-видимому, огромного пса, хотя его самого не было видно — более того, нельзя было даже примерно определить, с какой стороны этот лай доносится. Тем не менее одного этого звука было вполне достаточно, чтобы задрожать от ужаса, ибо мы хорошо помнили, что рассказывали в окрестных деревнях: обезображенный труп того, кого мы искали, был несколькими веками раньше найден в этом самом месте. Его растерзала огромными клыками неведомая гигантская тварь.

Я помню, как мы вскрывали гробницу кладбищенского вора, как вздрагивали, глядя то друг на друга, то на могилу; я помню бледную всевидящую луну, страшные гигантские тени, громадных нетопырей, древнюю часовню, танцующие мертвенные огоньки; помню тошнотворные запахи и странный, неизвестно откуда доносившийся лай, в самом существовании которого мы не были до конца уверены. Но вот вместо рыхлой сырой земли лопата ткнулась во что-то твердое, и скоро нашему взору открылся продолговатый полусгнивший ящик, покрытый коркой солевых отложений. Гроб, необыкновенно массивный и крепкий, был все же достаточно старым, а потому нам без особого труда удалось взломать крышку и насладиться открывшимся зрелищем.

Он сохранился очень хорошо, просто на удивление хорошо, хотя пролежал в земле уже пять столетий. Скелет, в нескольких местах поврежденный клыками безжалостной твари, выглядел поразительно прочно. Мы с восхищением разглядывали чистый белый череп с длинными крепкими зубами и пустыми глазницами, в которых когда-то горел такой же лихорадочный, вождедеющий ко всему загробному взгляд, какой отличал ныне нас. Мы нашли в гробу еще кое-что — это был очень любопытный, необычного вида амулет, который покойник, очевидно, носил на цепочке вокруг шеи. Он представлял собою странную фигурку сидящей крылатой собаки, или сфинкса с собачьей головой, искусно вырезанную в древней восточной манере из небольшого куса зеленого нефрита. И все в этой твари служило напоминанием о смерти, жестокости и злобе. Внизу имелась какая-то надпись: ни Сент-Джону, ни мне никогда прежде не доводилось видеть таких странных букв, — а вместо клейма мастера на обратной стороне был выгравирован жуткий стилизованный череп.

Едва увидев амулет, мы поняли, что он непременно должен стать нашим: из всех существующих на свете вещей лишь этот необычайный предмет мог быть достойным вознаграждением за наши усилия. Мы возжелали бы его даже в том случае, если бы он

был нам совершенно незнаком; однако, рассмотрев загадочную вещицу поближе, мы убедились, что это не так. Амулет и в самом деле не походил ни на что известное рядовому читателю учебников по истории искусств, но мы сразу узнали его: в запрещенной книге «Некрономикон», написанной безумным арабом Абдулом Альхазредом, этот амулет упоминается в качестве одного из зловещих символов души в культе некрофагов с недоступного плато Ленг в Центральной Азии. Мы хорошо помнили описание страшного амулета в этом труде арабского демонолога; очертания его, писал Альхазред, отражают таинственные, сверхъестественные свойства души тех людей, которые истязают и пожирают мертвецов.

Мы забрали нефритовый амулет и, бросив последний взгляд на выбеленный временем череп с пустыми глазницами, закрыли гроб, ни к чему более не прикасаясь. Сент-Джон положил наш трофей в карман пальто, и мы поспешили прочь от ужасного места; в последний момент нам показалось, что огромная стая нетопырей стремительно опускается на только что ограбленную могилу. Впрочем, то мог быть всего лишь обман зрения — ведь свет осенней луны так бледен и слаб.

Утро следующего дня застало нас на борту судна, направлявшегося из Голландии в Англию; нам по-прежнему казалось, будто издалека доносится лай огромного пса. Скорее всего, у нас просто разыгралось воображение, подстегнутое нагонявшими тоску и грусть завываниями осеннего ветра.

II

Не прошло и недели со дня нашего возвращения на родину, как начали происходить очень странные события. Мы жили настоящими отшельниками, не имея ни друзей, ни родственников, ни даже слуг, в старинной усадьбе на краю болотистой пустоши, и лишь очень редкий посетитель нарушал наш покой нежданным стуком в дверь. Теперь, однако, по ночам слышались какие-то шорохи и стуки не только у входных дверей, но и у окон, как верхнего, так и нижнего этажа. Однажды вечером (мы тогда сидели в библиотеке) нам обоим даже показалось, что какая-то огромная тень на мгновение заслонила собою заглядывавшую в окно луну; другой раз нам послышалось нечто вроде глухого хлопанья огромных крыльев где-то невдалеке. Наши попытки выяснить, что же все-таки происходит вокруг дома, ничего не дали, и мы приписали все это причудам воображения — в ушах у нас до сих пор стоял отдаленный глухой лай, почудившийся нам во время вылазки на старое голландское кладбище. Нефритовый амулет хранился в одной из ниш в нашем тайном музее, и порою мы зажигали перед ним свечи, источавшие экзотический аромат. Из «Некрономикона» мы почерпнули много новых сведений о свойствах этого магического предмета, о связи духов и призраков с тем, что он символизирует; все прочитанное нами не могло не вселять опасений. Но самое ужасное было впереди.

В ночь на 24 сентября 19... года я сидел у себя в комнате, когда раздался негромкий стук в дверь. Я решил, конечно, что это Сент-Джон, и пригласил его войти — в ответ послышался резкий смех. За дверью никого не оказалось. Я бросился к Сент-Джону и разбудил его; мой друг ничего не мог понять и был встревожен не меньше моего. Той же самой ночью глухой далекий лай над болотами обрел для нас ужасающую в своей

неумолимости реальность. Четырьмя днями позже, находясь в нашей потайной комнате в подвале, мы услышали, как кто-то тихо заскребся в единственную дверь, что вела на лестницу, по которой мы спускались в подвал из библиотеки. Мы испытывали в тот момент удвоенную тревогу, ведь кроме страха перед неизвестностью нас постоянно мучило опасение, что кто-нибудь может обнаружить нашу отвратительную коллекцию. Потушив все огни, мы осторожно подкрались к двери и в следующее мгновение резко ее распахнули, — но за ней никого не оказалось, и только неизвестно откуда взявшаяся тугая волна спертого воздуха ударила нам в лицо да в тишине отчетливо прозвучал непонятный удаляющийся звук, представлявший смесь какого-то шелеста, тоненького смеха и бормотания. В тот момент мы не могли сказать, сошли ли мы с ума, бредим ли или все же остаемся в здравом рассудке. Замерев от страха, мы осознавали только, что быстро удаляющийся от нас невидимый призрак что-то бормотал *по-голландски*.

После этого происшествия ужас и неведомые колдовские чары опутывали нас все крепче и крепче. Мы, в общем, склонялись к тому простому объяснению, что оба постепенно сходим с ума под влиянием своего чрезмерного увлечения сверхъестественным, но иногда нам приходила в голову мысль, что мы стали жертвами немилосердного злого рока. Необычайные явления стали повторяться настолько часто, что их невозможно было даже перечислить. В нашей одинокой усадьбе словно поселилось некое ужасное существо, о природе которого мы и не догадывались; с каждым днем адский лай, разносившийся по продуваемым всеми ветрами пустошам, становился все громче. 29 октября мы обнаружили на взрыхленной земле под окнами библиотеки несколько совершенно невероятных по размерам и очертаниям следов. Гигантские эти отпечатки поразили нас не менее, чем стаи нетопырей, собиравшихся вокруг дома в невиданном прежде и все возраставшем количестве.

Кошмарные события достигли своей кульминации вечером 18 ноября; Сент-Джон возвращался домой с местной железнодорожной станции, когда на него напала какая-то неведомая и ужасная хищная тварь. Крики несчастного донеслись до нашего дома, и я поспешил на помощь, но было уже слишком поздно: на месте ужасной трагедии я успел только услышать хлопки гигантских крыльев и увидеть бесформенную черную тень, мелькнувшую на фоне восходящей луны. Мой друг умирал. Я пытался расспросить его о происшедшем, но он уже не мог отвечать связно. Я услышал только прерывистый шепот: «Амулет... проклятье...» После чего Сент-Джон умолк навеки, и все, что от него осталось, было недвижимой массой истерзанной плоти.

На следующий день я похоронил своего друга — ровно в полночь, в глухом заброшенном саду, пробормотав над свежей могилой слова одного из тех сатанинских заклятий, которые он так любил повторять при жизни. Прочитав последнюю строку, я вновь услышал приглушенный лай огромного пса где-то вдали за болотами. Взошла луна, но я не смел взглянуть на нее. А чуть погодя в ее слабом свете я увидел огромную смутную тень, перелетавшую с холма на холм, и, не помня себя, без чувств повалился на землю. Не знаю, сколько времени пролежал я там; поднявшись наконец, я медленно побрел домой и, спустившись в подвал, совершил демонический обряд поклонения амулету из зеленого нефрита, лежавшему в своей нише, словно на алтаре.

Было страшно оставаться одному в старом пустом доме на заболоченной равнине, и

поутру я отправился в Лондон, прихватив с собой нефритовый амулет, а остальные предметы нашей святотатственной коллекции частью сжег, а частью закопал глубоко в землю. Но уже на четвертую ночь в городе я вновь услышал отдаленный лай; не прошло и недели со времени моего приезда, как с наступлением темноты я стал постоянно ощущать на себе чей-то пристальный взгляд. Однажды вечером я вышел подышать свежим воздухом на набережную королевы Виктории. Я медленно брел вдоль берега, как вдруг отражение одного из фонарей в воде заслонила чья-то черная тень и на меня неожиданно обрушился порыв резкого ветра. В эту минуту я понял, что участь, постигшая Сент-Джона, ожидает и меня.

На другой день я тщательно упаковал нефритовый амулет и повез его в Голландию. Не знаю, какого снисхождения мог я ожидать в обмен на возврат таинственного талисмана его владельцу, ныне бездвижному и безмолвному. Но я полагал, что ради своего спасения обязан предпринять любой шаг, если в нем есть хоть капля смысла. Что такое был этот пес, почему он преследовал меня — оставалось все еще неясным; но впервые я услышал лай именно на старом голландском кладбище, а все дальнейшие события, включая гибель Сент-Джона и его последние слова, указывали на прямую связь между обрушившимся на нас проклятием и похищением амулета. Вот отчего испытал я такое непередаваемое отчаяние, когда после ночлега в одной из роттердамских гостиниц обнаружил, что единственное средство спасения было у меня похищено.

Той ночью лай был особенно громким, а на следующий день из газет я узнал о чудовищном злодеянии. Кровавая трагедия произошла в одном из самых сомнительных городских кварталов. Местный сброд был до смерти напуган: на мрачные трущобы легла тень ужасного преступления, перед которым померкли самые гнусные злодеяния их обитателей. В каком-то воровском притоне целое семейство преступников было буквально разорвано в клочья неведомым существом, которое не оставило после себя никаких следов. Никто ничего не видел — соседи слышали только негромкий гулкий лай огромного пса, не умолкавший всю ночь.

И вот я снова стоял на мрачном погосте, где в свете бледной зимней луны все предметы отбрасывали жуткие тени, голые деревья скорбно клонились к пожухлой заиндевевшей траве и растрескавшимся могильным плитам, а шпиль поросшей плющом часовни злобно рассекал холодное небо, — и надо всем этим безумно завывал ночной ветер, дувший со стылых болот и ледяного моря. Лай был едва слышен той ночью, более того, он смолк окончательно, когда я приблизился к недавно ограбленной могиле, спугнув при этом необычно большую стаю нетопырей, которые принялись описывать круги над кладбищем с каким-то зловещим любопытством.

Зачем я пришел туда? Совершить поклонение, принести клятву верности или покаяться безмолвным белым костям? Не могу сказать точно, но я набросился на мерзлую землю с таким остервенением и отчаянием, будто кроме моего собственного разума мною руководила какая-то внешняя сила. Раскопать могилу оказалось значительно легче, чем я ожидал, хотя меня ждало неожиданное препятствие: одна из многочисленных когтистых тварей, летавших над головой, вдруг ринулась вниз и стала биться о кучу вырытой земли; мне пришлось прикончить нетопыря ударом лопаты. Наконец я добрался до полуистлевшего продолговатого ящика и снял тяжелую,

пропитанную могильной влагой крышку. Это было последнее осмысленное действие в моей жизни.

В старом гробу, скорчившись, весь облепленный шевелящейся массой огромных спящих летучих мышей, лежал обокраденный нами не так давно скелет, но ничего не осталось от его прежней безмятежности и чистоты: теперь его череп и кости — в тех местах, где их было видно, — были покрыты запекшейся кровью и клочьями человеческой кожи с приставшими к ней волосами; горящие глазницы смотрели со значением и злобой, острые окровавленные зубы сжались в жуткой гримасе, словно предвещавшей мне ужасный конец. Когда же из оскаленной пасти прогремел низкий, как бы насмешливый лай и я увидел среди мерзких окровавленных костей чудовища недавно украденный у меня амулет из зеленого нефрита, разум покинул меня. Пронзительно завопив, я бросился прочь, и вскоре мои вопли напоминали уже скорее взрывы истерического хохота.

Звездный ветер приносит безумие... Эти когти и клыки веками стачивались о человеческие кости... Кровавая смерть на крыльях нетопырей из черных как ночь развалин разрушенных временем храмов Велиала... Сейчас, когда лай мертвого бесплотного чудовища становится все громче, а хлопанье мерзких перепончатых крыльев слышно все ближе у меня над головой, только револьвер сможет дать мне забвение — единственное надежное убежище от того, чему нет названия и что называть нельзя.

Перевод: Евгений Нагорных

1993 год